Произведения лауреатов и дипломантов Межрегионального литературного конкурса «Ты сердца не жалей, поэт» - Малая проза

Номинация «Малая проза» 2018

Богдан-Журихина Таисия Николаевна (персональный номер участника - 32)
Косенков Евгений Николаевич (9)
Иванов Владимир Васильевич (98)
Корсунский Дмитрий Михайлович (30)
Гуляев Владимир Георгиевич (116)
Павленко Клавдия Ивановна (101)
Талызин Николай Юрьевич (123)

1 место и звание лауреата – **Богдан-Журихина Таисия Николаевна**. Уроженка земли Калининградской, чем искренне гордится. Член Союза писателей России. Постоянно проживает в пос. Залесье Калининградской области.

Пахарь

Домой Вениамину идти не хотелось. Тёмный синяк под глазом и разорванная по шву ветровка не оставляли никаких надежд на благополучную встречу с семьёй.

«Да, вечер не удался», – вздохнув, подумал он, провожая взглядом удаляющиеся огоньки злополучной машины.

«И чего они завелись-то? Ну, сказал что «тачка крутая». Что ещё?» – вспоминал Вениамин. Он сидел под навесом круглосуточно работающего магазина Салтановского. Вроде и не нарывался, пил спокойно своё пиво. Тут эти подъехали – «крутые». Кофейку им, видите ли, захотелось.

«Чёрт меня дёрнул похвалить их «лошадку». Картинка неудавшегося несколькими минутами ранее «диалога» с приезжими живо всплыла перед его глазами.

– Что, «мерин» мой понравился? Так купи себе такой же и катайся! – Ответил на комплимент Вениамина, блестя выбритой головой, водитель тёмного «Мерседеса». Кроме водителя – видимо хозяина машины – было ещё двое парней. Один из приехавших подошёл к окошку, открывающемуся для выдачи товара в ночное время, и попросил три чашки кофе. Второй направился к туалету, над дверью которого тусклая лампочка освещала известную всем табличку. Лысый, решив немного поразвлечься и показать местным немногочисленным аборигенам, кто здесь чего стоит, подошёл к незадачливому собеседнику. Невзрачная фигура сидевшего за столом Вениамина не произвела на приезжего серьёзного впечатления.

– Ну, чё, колхозник, пивком балуешься? На хорошую выпивку не заработал? – усмехаясь спросил лысый. – Только на такое пойло и хватает? Сидишь в этой норе вонючей, кайфуешь.

Он брезгливо оглядел деревянный навес, пристроенный к стене магазина.

– Дэн, оставь россиянина в покое, – проговорил, ставя на деревянную столешницу три стаканчика кофе, подошедший от окошка парень. – Дай ковбою отдохнуть с устатку после трудов праведных в любимом «салуне».

– Завтра опять к земле? Или к коровам?– заговорщицки, миролюбиво подмигнул он Вениамину.

– А хоть бы и к коровам, тебе-то что? – сдержанно ответил Вениамин.

Он был классным механиком и работал в своём родном посёлке, где родился и жил, как он считал, сознательную жизнь. После армии решил было осесть в городе. Устроился в одну из многочисленных мастерских по ремонту автомашин. Руки у него, по мнению клиентов, «золотые». Мог безошибочно по звуку движка определить его слабое место. Быстро «ставил на колёса» технику, которая в своём великом множестве и многообразии нуждалась в его умелых руках. Хозяин – азербайджанец Магомед – нормально платил ему. Работа нравилась. Одно было плохо: каждое утро надо было рано вставать, чтобы успеть на дизель в Калининград, а возвращаться домой из города последним рейсовым автобусом. Снимать квартиру было дорого, а Вениамин копил на машину.

Работать приходилось и в выходные, но он не жаловался и не унывал, зная, что в конце концов, жизнь повернётся к нему «светлым боком». И жизнь действительно повернулась этим боком, даже гораздо раньше, чем Вениамин предполагал. Он встретил Свету. Теперь уже свою законную жену, а тогда – скромного бухгалтера из Залесовской конторы. Все сбережения, накопленные Вениамином, ушли на свадьбу, справленную без размаха, но вполне достойно. Света и уговорила его работать в местном хозяйстве. Хорошие руки ой как нужны были в здешних мастерских. Да и в зарплате он не терял. Не долго думая, Вениамин согласился. Теперь как уважаемый специалист и счастливый семьянин шагал он утром рядом со своей серьёзной женой на работу и, чмокнув её в щеку на ступеньках конторы, спешил в залесовские гаражи.

Руководитель хозяйства предложил купить в рассрочку жильё, которое строилось для рабочих и специалистов. Прикинув свои предполагаемые доходы, молодые вселились в новенький, с ещё не благоустроенной территорией дом на двоих хозяев. Семья ждала пополнения…

В тот вечер у магазина Вениамин встретил бывшего одноклассника, сидящего с бутылочкой за столиком под деревянным навесом, и остановился поговорить. Давно не виделись. Друг жил в городе и домой приезжал редко. Было уже девять часов вечера, и продавщица изнутри заперла дверь магазина. Вениамину пришлось покупать себе пиво уже из окошечка. Возвращаясь к столу, он с разочарованием увидел, как его одноклассника уводит симпатичная брюнетка с продуктовым пакетом в руках – наверно, жена. Венимин сел за стол и решил посидеть «на природе». Место здесь было тихое. Цветущие кусты майской сирени скрывали в своих зарослях голосистого соловья.

– Вот надрывается! – слушая рулады, выдаваемые птичкой-невеличкой, улыбался Вениамин. Он любил свой посёлок, утопающий в зелени от ранней весны и до самых заморозков. Ничего примечательного, разве что кроме старой немецкой кирхи, в Залесье не было. Сотни таких же посёлков, как и этот – бывший немецкий – были разбросаны по всей территории области. Они были похожи друг на друга: красными крышами, серенькими мансардными домиками, вымощенными брусчаткой дорогами…

Некоторые посёлки, как доживающие свой долгий век старики – ветшали с годами. Они лишались школ, клубов, фельдшерских пунктов. Дома в них, когда-то добротные, а теперь почти разрушенные, растащенные «на кирпичи», смотрели пустыми глазницами в заросшие бурьяном и диким кустарником бузины палисадники. Молодёжь уезжала в город. Старики умирали.

Залесью повезло. Школу здесь не закрыли, был и детский сад с яслями. Работал фельдшерский пункт, функционировал клуб, называющийся по-новому – молодёжным досуговым центром. Молодёжи в посёлке было порядком. Рабочих мест хватало. Хозяйство считалось крупным и успешным. Посёлок благоустраивался. Да и сами жители старались поддерживать чистоту и порядок на своих придомовых территориях. Перекрывались крыши домов, выравнивались и подкрашивались фасады. На подстриженных газонах внутренних дворов зеленели и цвели декоративные растения – недостатка их в округе не было. Ещё на въезде в посёлок манили взгляды людей ухоженные растения «Декоративных культур» Любимцева. А в посёлке рядом, радовали глаз своей красотой и многообразием цветущие не только по весне, а почти до самой осени, аккуратненькие кустарники и деревца питомника, принадлежащего уже другому собственнику.

Обычный посёлок, с обычными, не хватающими звёзд с неба людьми. Но для них, жителей, с их радостями и горестями, он был уютным, родным, гостеприимным домом. ..

И когда на стоянке у магазина лихо припарковался незнакомый тёмный «Мерседес», Вениамин на правах местного жителя, (а может, и сдуру), чтобы сделать приятное приезжим, заметил: – «Добрая лошадка!»

… – Вы слышали, – обращаясь к друзьям, произнёс лысый, – он, кажется, недовольство проявляет.

И, что-то сказав на английском языке, громко рассмеялся.

– Дэн, оставь аборигена в покое. Тебе его не понять, а он вряд ли сможет по достоинству оценить твоё произношение, – с усмешкой проговорил, дуя на кофе, уже сидящий за столом второй парень. Третий всё ещё задерживался в туалете.

– Ну, чё, пахарь, – поставив ногу на скамейку, где сидел Вениамин, не совсем миролюбиво сказал Дэн. – Расскажи нам, как до такой жизни хреновой докатился со своим колхозом? Широка страна твоя родная, да? И, наверняка ты в ней хозяин, да, пахарь?

Передвигая ногу всё ближе к Вениамину, неторопливо философствовал наглый незнакомец. Вениамин допил пиво и поднялся, чтобы выбросить бутылку в мусорный бак.

– Сидеть, пахарь! – грубо толкнул его на место Дэн. – Мы ещё не договорили!

– А вот скажи, пахарь, что у тебя такого хорошего в жизни, кроме этой твоей возможности – пойло лакать в этом сарае, а? Чего у тебя рожа такая довольная, как будто тебе действительно нравится эта твоя светлая жизнь, а? – Наклоняясь к Вениамину спрашивал парень. – Ты за границей, то хоть раз бывал? Как люди живут, видел? Нормальную человеческую жизнь видел, а, пахарь?!

Лысый уже почти с ненавистью говорил, глядя в глаза, напряженно замершему Веньке:

– Вот такое – как ты – быдло, возомнили себя хозяевами России и ползаете счастливо в навозе и нищете как вши по её брюху! Дохозяйничались! – Всё больше распалялся Дэн. – Скоро жрать нечего будет, а вам всё хорошо! Всё устраивает!

И вдруг – сам не ожидая от себя такой прыти – Венька резко дёрнул на себя, с разворотом вовнутрь, за ногу разошедшегося не в меру приезжего. Поднявшись во весь рост, подтянул его к себе и, со всей, сдерживаемой до последней секунды силы, засветил кулаком в перекошенное от страха лицо Дэна.

– Да, я пахарь! – тихо, почти шепотом произнёс Вениамин, – и эта земля, по которой ты сейчас

ползаешь, моя земля!

И я здесь хозяин! – всё ещё не отпуская ноги растянувшегося на полу лысого, говорил он.

– И посёлок этот мой! И сарай этот мой! – уже перешёл на крик Вениамин.

Подскочивший сзади третий парень, уцепившись за куртку Веньки, тащил его на себя, боясь, что тот продолжит избивать его друга. Но Венька вывернулся, его куртка затрещала, а подошедший к дерущимся «любитель кофе», вдруг с размаху влепил кулаком в лицо, не успевшему уклониться от удара Вениамину. А тот и не собирался избивать лежащего Дэна. Не в его правилах было бить «лежачего». Но манера общения: трое на одного – окончательно вывела его из себя. Он оглянулся. Как назло вокруг никого из односельчан не было. Только недалеко в сквере белел недавно обновлённый к празднику Победы обелиск павшим российским солдатам. «Не один», – промелькнуло в голове у парня. И со словами:

– Получайте, твари! И от пахаря и от россиянина! И от счастливого быдла! – он, отчаянно махал кулаками налево и направо, при каждом своём ударе ощущая прилив каких-то неведомых сил. (А может это ему казалось).

– Прекратите! Прекратите! Я сейчас полицию вызову, – услышал он сквозь шум в ушах, голос продавщицы магазина, которая стучала ладонями по закрытому оконному стеклу внутри магазина. Она опасалась, что эти трое чужаков изувечат поселкового парня. Но, как говорят в таких случаях – не на того напали.

Приезжие быстро, оставив на столе почти нетронутый кофе, умчались в ночь на своём «добром мерседесе». Венька снял разорванную куртку, отряхнул её и, вытащив из кармана платок, брезгливо вытер ладони и кисти рук, как будто стирая налипшую от прикосновения к приезжим грязь. Выбросил в урну платок. Постоял, потрогал рукой болевший глаз и не спеша пошёл домой. Проходя мимо обелиска он, глядя на венки у его подножья, тихо сказал:

– Я не огорчил вас, ребята?

Молчание Венька расценил как знак согласия.

– Да, кто к нам с дерьмом придёт, тот его и нахлебается! – с удивлением для себя самого вслух перефразировал он всплывшее в памяти высказывание Невского.

Венька шел по главной улице притихшего посёлка. И сознание того, что это – его поселок, и земля, по которой он сейчас идёт – его земля, и окно, которое призывно светилось в темноте – его родное окно – приятным теплом и гордостью наполняло всю его душу.

2 место и звание лауреата – **Косенков Евгений Николаевич**. Родился в 1971 году. Председатель Новосибирской областной общественной организации "Творчество". Живёт в г. Новосибирск.

Отрывок из повести «Рядовой стрелок»

Постепенно редуты старой крепости с юго-восточной стороны полки вернули себе. И даже удалось занять южные окраины Гродно.

- Закурим? – Алексей оглянулся на голос.

Знакомое лицо в кровоподтеках и грязных разводах, улыбалось и подмигивало. Черная рука протягивала коробку с сигаретами.

- Трофейные, заморские, - он весело рассмеялся. – Дали немцу прикурить!

- Сколько ребят полегло, - глухой голос Федюшина оборвал веселость бойца. – Оружие собрать, раненых перевязать и к подводам. Немцы нас в покое не оставят. Старшину кто видел?

- Он там, с ранеными…

- Шо, соскучились хлопцы? – Авдеев появился шумно, с вещмешками. – Перекусите чуток, пока затишье.

Один из вещмешков протянул Алексею.

- Много раненых. Подводы все забиты, - старшина пожал плечами. – Штука хорошая, но на войне лишний груз. Тем более, сейчас. Можа оставить где нить тут?

- Свой груз не тянет, - буркнул Чернов, забирая вещмешок.

- Скворцов, Степана не видел?

Грязное в кровоподтеках лицо по-прежнему выражало блаженство. Клубы дыма, выпускаемые колечками, казались частью какой-то другой жизни.

- Неа, не видел.

Алексей хотел пойти поискать друга, но его остановил возглас.

- Немцы!

- Вот неугомонные, - старшина приткнул к винтовке штык.

- К бою! – полетела команда по цепи.

Федюшин поймал за руку старшину.

- Авдеев, вывози раненых! Бегом!

Относительная тишина вновь наполнилась стрекотом автоматов, буханьем винтовок, взрывами и криками.

Алексей увидел немецкого солдата, который изготовился для броска гранаты. Почти не целясь, навскидку, выстрелил и спрятался. Раздался взрыв гранаты за укрытием. Выглянул. Фашист лежал вниз лицом, а в метрах двух от него след от взрыва. Рядом звенькнула пуля, и Алексей невольно пригнулся. Это спасло ему жизнь. Над головой прошла очередь из автомата. Пришлось менять позицию.

Повсюду царила неразбериха. Немцы лезли отовсюду. Меняя позицию в очередной раз, Алексей наткнулся на чье-то тело.

Это был Скворцов. Он лежал с умиротворенной улыбкой на лице в простреленной и окровавленной гимнастерке. Рядом лежала та самая коробка с трофейными сигаретами забрызганными кровью.

Несколько минут назад человек смеялся и шутил, а теперь лежал неподвижно в луже крови.

- Патроны у него возьми, - толкнув его, кто-то вывел из оцепенения.

Алексей, не испытывая никаких чувств, обшарил карманы и подсумки. Патронов было совсем ничего. Штук семь-восемь.

Воздух был тяжелый, кислый, с гарью, кровью и смертью.

Немецкие пехотинцы опять отошли, но зато самолеты накрыли позиции полка, словно получили приказ сравнять редуты с землей.

Авиацию сменили артиллерия и минометы.

Минутное затишье.

- Приготовиться к атаке! Штыки примкнуть!

Алексей поправил вещмешок, передернул затвор. Пот катился по лицу от жары и напряжения, приходилось вытирать его время от времени рукавом.

Когда поднялись в атаку, встретились лицом к лицу с атакующими немцами. Завязалась рукопашная схватка.

Мозг словно отключился. Алексей успел выстрелить в ближайшего врага и не успел перезарядить винтовку, как пришлось отбить удар другого, подставив под его винтовку свою. Кто-то из бойцов мимоходом достал фашиста по шее чем-то режущим, кровь из раны брызнула на Алексея. От неожиданности он отпрянул назад и по инерции попытался прикрыть ладонями лицо. Немец, выпучив глаза, прохрипел на своем непонятном языке и завалился на спину. В это время сзади взорвалась граната, что-то тяжелое свалило и придавило Чернова к земле. Во рту - солоноватый вкус, уши заложены. С трудом удалось выбраться из-под тяжести. С удивлением краем глаза отметил мертвое двухметровое тело в немецкой форме. Превозмогая боль, встал и замер. На него летел еще один враг такого же двухметрового роста с перекошенным от крика лицом. На его винтовке поблескивал широкий кинжал. Алексей растерялся. Немец сделал выпад, пытаясь проткнуть его. Не осознавая своих действий, на полном автомате, Алексей схватил винтовку за ствол левой рукой и резко дернул на себя, отводя чуть в сторону. Фашист потерял равновесие и упал перед ним. Чернов, не помнил, когда он успел подобрать свою винтовку, но она оказалась у него в руках, он со всей силы воткнул штык во вражескую спину. Винтовка прошла насквозь. Обратно вытащить оказалось невозможно. Она застряла в теле, уйдя в него и в землю почти наполовину.

И тут щелкнуло, словно переключили тумблер в голове. Все вокруг стали двигаться медленнее. Сквозь какофонию звуков, которая теперь долетала до него странными протяжными звуками, Алексей стал различать голоса и даже отдельные слова. Зрение не то, чтобы улучшилось, а стало объемным. Он теперь видел все, что творится слева и справа. Бегущий на него немец не смог скрыть ужаса. Голубые глаза были широко раскрыты, а полуоткрытый рот издавал нечленораздельные звуки. Алексей успел оглянуться, схватить винтовку убитого до этого врага, легко отбить винтовку со штыком, летящую ему в грудь. И уже не со всей силы, а как-то легонько ткнуть штык-ножом набегающего фашиста. Вроде бы и усилий не приложил, а враг уже падал. Боковое зрение выхватило бойца, которого сбил с ног ударом приклада высокий немец. Алексей в два прыжка оказался рядом и воткнул винтовку с прикрепленным к ней кинжалом фашисту в живот. Тот согнулся, удивленно поднял стекленеющие глаза на Алексея и рухнул на землю.

Уже не было чувства времени, как впрочем, не было вообще места чувствам. Либо ты, либо тебя.

Что-то сильно ударило в спину, но Алексей устоял и, развернувшись, ударил прикладом в замешкавшегося гитлеровца.

Немцы, похоже, успели отойти, а может, решили пожертвовать своими, чтобы остановить атаку красноармейцев. По атакующим бойцам ударили артиллерия и минометы. Вскоре немецкие штурмовики дали о себе знать. Стена огня была настолько плотной, что выжить в этом аду, казалось, невозможно. Алексей, как и многие, вжался в землю, стараясь вдавить в него тело. До укрытия, полуразрушенной стены, вроде бы, недалеко, но как до нее добраться? Сделав сверхусилие над собой, он рванул в спасительную зону и сразу же распластался вдоль стены. Пусть невысокая, но все-таки преграда, может, и спасет от пуль и осколков. Авось, не зацепит.

Сколько времени пришлось пролежать под минами, снарядами и бомбами – неизвестно. Когда все прекратилось, раздались отчетливые команды на немецком языке. Словно кто-то где-то сидел и переключал звук. Таким резким был переход от грохота к тишине. Алексей лег поудобней и огляделся вокруг. Слева, в воронке, двое, чуть позади за выступом - один. Справа – Федюшин и еще несколько бойцов.

- Приготовиться к атаке!

Алексей проверил чужую, ставшую своей винтовку. Все-таки зря он потащил с собой гармошку в вещмешке. Мало того что стесняет движение, так и цепляешься за все, и немцы, похоже, видят его

шевеления. Но бросать музыкальный инструмент он не собирался.

- Вперед!

Вот только этой атаке не суждено было продлиться долго. Сначала шквальный огонь пулеметов, а затем новый минометно-артиллерийский обстрел. Бойцы залегли.

Каждый раз казалось, что следующая мина или бомба будет твоя. Исчезло ощущение времени. Где-то за поднявшейся земляной пылью и посеревшими облаками пряталось солнце. Все вокруг ревело и ухало. Страх был, никуда он не делся. Только сидел где-то глубоко внутри. На первом месте - отслеживание изменения обстановки. Кто их знает, этих немцев, возьмут, да и под шумок в атаку перейдут, а ты тут землю обнимаешь.

Стоило слегка затихнуть канонаде, как вражеские солдаты пошли в атаку. Красноармейцы рванулись навстречу с безумной, все сжигающей злобой и обреченностью. Закружилась новая рукопашная схватка, в которой отсутствовало чувство жалости. Гитлеровцы не выдержали и на плечах отступающего противника, удалось ворваться в город, отвоевать еще немного советской земли.

Но сил не хватало. Помощи не было. Фашисты перегруппировались, получили подкрепление и мощной атакой отбросили красноармейцев на прежние позиции. До самого вечера продолжались атаки немцев с земли и воздуха. Обескровленные полки стояли насмерть. Уже начало темнеть, когда поступил приказ на отход. Дивизия за 2-3 часа сумела уйти на свои бывшие позиции по реке Свислочь, преодолев до пятнадцати километров пешим шагом.

Раненых оказалось слишком много. Забрать тех, кто не мог ходить, не представлялось никакой возможности. Со слезами на глазах и комом в горле оставляли своих товарищей местным жителям, прекрасно понимая, что выжить у них едва ли есть шанс. Все остальные, кто мог передвигаться самостоятельно, двинулись в обратный путь, на юго-восток.

На грязных, уставших, осунувшихся лицах читались боль и злоба. Шли, молча. В голове никак не укладывалось, что победоносные войска Красной Армии отступают…

Из всего отделения живым и даже не раненым оказался только Чернов, не считая Степана. Насчет друга он почему-то был уверен – жив. Погиб командир роты, ранен Авдеев. Ротой теперь командовал Федюшин, раненый в руку. Вот только от роты осталось всего ничего, как, впрочем, и от полка. Говорят, что комдив генерал-майор Бондовский тоже ранен в этой атаке.

Перед глазами время от времени возникал Скворцов в пробитой окровавленной гимнастерке и застывшей на губах умиротворенной улыбкой.

Какая она все-таки разная смерть. И к каждому приходит по-своему, по-особому. Кого-то забирает сразу, кому-то дает шанс выжить, а кого-то заставляет долго мучится от тяжелых ран и увечий. Но как говорила мать – мы все под богом ходим…

- Лешка! Жив, чертяка!

Степан радостно заключил его в объятия.- Не бросил гармошку? Ну ты даешь!

Добравшись до окопов, которые они вырыли в прошлый раз, бойцы попадали от усталости. Предыдущие сутки вымотали настолько, что осталось одно желание – спать.

Утро с небольшим туманом над рекой обещало жаркий солнечный день.

Степан сладко потянулся и вдруг поднял вещмешок Алексея.

- Лешка! Ты это видел?

Ошарашенный возглас и взгляд Степана разметали всю сонливость.

- Гармошка тебе жизнь спасла!

Алексей озадаченно смотрел на обломок немецкого штык-ножа и рядом осколок от мины. Он так дорожил гармошкой, что отказался оставить ее в расположении казармы. И вот…

- Хорошая была гармошка. Из дома…

3 место и звание лауреата – **Иванов Владимир Васильевич**. Родился в 1948 году в деревне Макаровка, что на Урале. Окончил Уральский госуниверситет и Литературный институт им. Горького. Член Союза журналистов СССР. Член Союза писателей России. Заслуженный работник культуры РФ. Живёт в Кемерово.

Два дня лета

Наконец пришло письмо.

“Травы нынче уродились сочные, - писала мать. - Отец смотрел покос. Приезжайте, косить начнём...”

Каждое лето я ждал этого известия, как ждут явления природы: весной ледохода, осенью уборочной страды, к зиме первого снега...

Я открыл калитку. Отец во дворе отбивал литовку, - неторопливо, как всё он делал в жизни. Рядом лежали еще литовки, потемневшие от времени грабли, столярные инструменты. Поздоровались.

На крыльцо вышла мать.

- Здравствуй, мама!

- Приехал! Как же я тебя проглядела? Как люди с автобуса пошли, я глядела, глядела - никого наших!

Вечерним автобусом приехали братишка Митя, сестра Нина с мужем Виталием.

А утром Митя, Виталий и я пораньше отправились на покос. Дошли до поляны, где каждый год мы косили сено. Здесь была знакома каждая кочка, каждая выбоина, каждый кустик. С края густо зеленеет кудрявый дикий горошек. Выше пунцово рдеют головки татарского мыла. На этом участке трудно косить: буйно растущий горошек никак не желает отпасть от лезвия литовки, цепляется, тянет назад. Но зато зимой сено отсюда – настоящее лакомство, особенно для ягнят и телят.

Ближе к дороге трава уже другая: понизу стелется клевер, встречаются изредка пучки зверобоя, цветут медоносы. В центре поляны трава растет ровнее, но несколько реже. Там красуется ветвистая береза - давно облюбованное место отдыха семьи: открытое хорошо продувает, меньше комарья, слепней.

Начали косить. Трава вязкая. Размеренно взмахивая литовками, постепенно втянулись в работу. В конце прокоса я резким движением отделил валок от стоячей травы, вытер пучком сена лезвие, оселком заточил его, и всё началось сначала. И так будет не один день, пока не выкосим весь этот летний аромат на долгую зиму...

Остальные приехали из дому только часам к одиннадцати.

- Добро вы скосили, Бог вам в помощь! – похвалила мать.

Отец распряг коня и отвел его к кустарнику, где трава была гуще.

Продолжили косить с краю большой поляны. Когда я дошел до молодой осины, которая служила ориентиром длинны прокоса, оглянулся. Следом докашивал Митя. Он при косьбе малость торопился, но валок за ним тянулся добрый и стерня оставалась ровной.

Следом шел зять Виталий. Он глядел себе под ноги, взмахивал руками, будто сучья обрубал, но для горожанина косил сносно.

Дальше шла мать - в выцветшей косынке, завязанной назад. Траву она после каждого взмаха накидывала на валок и при этом как бы наваливалась на ручку косы всем телом.

Следом шел отец. Косил он размашисто, но не споро. Движения его такие же неторопливые, как привык он всё делать в хозяйстве – неспешно и основательно.

Цепочку косарей замыкала сестрёнка Нина. Она была в цветастом платье и в новой нарядной косынке.

Погода стояла солнечная. Косили до тех пор, пока не проголодались и не стало по-настоящему душно от дневного марева.

- Давайте, детки, отдохнем да перекусим, - предложила мать. - Негоже в первый день так жилы рвать.

После обеда мужчины закурили, а мать с Ниной принялись мыть посуду.

- Подремите малость, пока жара не спадет- сказал отец. - А нам с Анной в деревню надо.

- Дай-ка, Василий, вожжи, я поправлю, - неожиданно сказала мать, когда запрягли Игреньку.

- С чего это ты! - удивился отец.

- Дай, дай! Я ль не верховодила на конном!

Отец покачал головой и передал вожжи матери.

Подстегнутый Игренька нехотя оглянулся, но настойчиво огретый снова по крупу, с ленцой зачастил ногами. Снова получив посыл, понял, что отлынивать бесполезно, и побежал довольно резвой рысью.

И покатилась вдаль телега - часть крестьянского очага, движущаяся в пространстве! Из века в век везла она нужду и достаток, горе и счастье, молодость и старость, печаль и надежду... Корова и лошадь - две опоры крестьянского хозяйства. Лошадь для хозяина, корова для хозяйки. Но мать говорила, что она с детства любила и лошадей, поскольку отец ее, дед наш Александр Тимофеевич, был заядлым лошадником. Когда еще до колхозов жили единоличным хозяйством, помимо рабочей лошади у них был серый в яблоках рысак Орлик. Мать была девчонкой, когда Орлик рос у них во дворе, а потом дед обучал его, запрягая в легкую кошевку. Ноги резвому рысаку на время объездки отягчили тяжелыми подковами, но все равно Орлик летел как ветер. Бывало, под вечер дед выедет за деревню - только снежная пыль вьется за кошевкой! Такая езда от деревни до деревни называлась «промять лошадь».

В тридцатые годы огулом стали загонять в колхозы, Дед загорюнился: на общественном конном дворе Орлика как пить дать загубят! Продал рысака, заодно и корову, - во дворе остались лишь овцы да телка. Купил гармонь, хромовые сапоги с галошами и ударился в гульбу. По вечерам то в одном краю села, то в другом краю пела-заливалась дедова гармонь. “Вона жеребец Александра Алешина ржет! - не то корили, не то завидовали сельчане. - А на ноги, едрена корень, корову обул!..” Ну и докуражился! Как сознательного губителя будущей колхозной живности взяли да и сослали в Сибирь...

В военное лихолетье мать работала на конном дворе. Под ее присмотром вырос вороной масти колхозный рысак Смелый. Мало кто решался его запрячь или поставить под седло, но мать его не боялась. “Что ты! Теперь таких коней гордых да резвых и нету!” - говаривала она…

Отец подъехал ближе к вечеру.

- Много вы скосили! Молодцы! - похвалил нас. - А мы с матерью лес держим на примете, - сказал он. - И просят не так дорого.

- Чтоб новый дом строить? - спросил я.

- Ну да.

- А зачем новый дом? - сказал Митя. – На ваш век и этого хватит.

- Погоди, Митя, - возразил я. - Может, отец прав. Поставим дом, женишься и будешь жить-поживать на родине, где всё родное, близкое.

- Младший всегда оставался с родителями, - поддержал отец. - Был опорой родителям, оставался хозяином.

- Мне и так хорошо, - ответил Митя.

- Какая тебе разница - жить здесь или в поселке, где тоже как в деревне, - продолжал убеждать я брата.

- Там я на производстве, заработок приличный. А здесь мужики сколько зарабатывают? Копейки! А пашут от зари до зари.

- Да эти копейки при своем хозяйстве-то значат больше, чем городские рубли! Приезжай, живи в родном доме, и родителям будет легче. Построим дом, мы будем навещать, помогать, обустроишься - куда лучше!

- А сам почему не торопишься в деревню? – с ехидцей спросил младший брат.

Я посмотрел на Митю и ничего не ответил. Что ему возразить? Оторвавшись от родной земли, я сам себе не раз задавал этот вопрос. Кода в семье в одно время пошли нелады, я приехал к родителям, взяв недельный отпуск без содержания - с намерением остаться в селе. Но приехала жена, помирились, и снова город затянул в свой суетливый водоворот. И всё-таки хорошо от мысли, что в любое время можно вернуться на родную землю. В запасе как бы еще один вариант жизни... Но всё же умом ясно понимаю, что все это бесплодные иллюзии. Оторвана моя жизнь от деревни и оторвана, может быть, навсегда. И потому вопрос Мити разбудил в душе чувство вины...

Пока собрали пожитки, сенокосный инвентарь, завечерело. Край неба побагровел, солнце в просветы облаков выстрелило золотые стрелы. В низинах там и тут закурился молочный туман. И снова, как в прежние годы, катилась-пылила телега, увозя на ночлег усталых косарей...

Когда подъехали к дому, во дворе мать доила корову. Митя соскочил с телеги и открыл ворота, потом распряг коня и повел на конный двор.

- Приехали! - сказала мать. - А я не успела еще ужин сготовить.

- Это мы сейчас, мама! - Нина взялась чистить картошку

Отправляла Виталия то за укропом, то за луком, то за петрушкой в огород.

Зашла тетя Поля Тихеева.

- Анна, так вы, слыхала, расписались?

- Ой, и не говори! - махнула рукой мать.

- Так это надобно отметить, - сказала Тихеева.

- Ой, Поля, хватит! Нашла событие - закорючку да печать!

Тетя Поля скрылась за дверью. Я слушал этот диалог, ничего не понимая. Виталий с Ниной чистили картошку, к разговору не прислушивались.

- Мама, так вы с отцом не расписывались, что ли? - спросил я.

- Нет, сынок.

- А почему?

Тут только Нина почувствовала что-то необычное и навострила уши:

- Мам, ты ведь сама рассказывала, что у вас свадьба была!

- Свадьба-то была-а!.

- А чего ж тогда не регистрировались?

- Так свадьба когда была? Еще до войны!

- А свадьбу гуляли без регистрации, что ли?

- Тогда на это не смотрели, - улыбнулась мать.

- Потом бы, после войны зарегистрировались!

- А потом, дочка, не до того было.

- Интересно! В город приедешь - в гостинице и то без регистрации врозь поселят. Без печати как докажешь, что муж и жена!

- Глянь-ка, шибко мы с отцом по гостиницам разночевались! - засмеялась мать.

Вошел отец.

- Ну что, батя, можно поздравить с законным браком! - встал я навстречу.

- Папа, а раньше не мог с мамой расписаться? - укорила его Нина.

- Так паспортов же не было - некуда печать ставить, - отшутился отец.

- Это как? Мы незаконные, что ли, жили? – всё ещё изумлялась Нина. - А как же нам документы выдали, если родители не расписанные были? А вам и вправду паспорта не давали?

- Что я - наговаривать буду!

- А как же люди ездили без документов?

- А редко куда выезжали.

- Выходит, вы как крепостные жили? – не унималась Нина.

- Почему как крепостные? Некогда было разъезжать - работали.

- И в город ни разу не ездили?

- Ездили. Когда матери операцию делали, - вмешался отец.

- Без документов?

- Почему? Колхоз справку выдал.

- Дело вовсе не в паспорте, - сказала Нина. - Что ж, так и жили - без свободы?

- Какая свобода, когда от зари до зари работа! – отозвался отец.

- А как же молодым, если хотят на производство или на учебу? - допытывалась Нина.

- Не отпускали. А как вырвутся - назад не жди!

- Ну и правильно! - одобрила их действия Нина. - Что молодым крепостными на привязи сидеть!

Вернулся с конного двора Митя.

- Ты знаешь, какое у нас событие? - обратилась к нему Нина.

- Знаю. Папка с мамкой поженились.

- Откуда узнал?

- Вся деревня говорит.

Пришли соседи. Все сели за стол…

Митя, Нина, Виталий после ужина заторопились в клуб. Я тоже вышел, закрыл за ними калитку, закурил и облокотился на городьбу. Кое-где хлопали двери, слышались изредка голоса. Улица постепенно затихала...

Как же так получилось, что только сейчас узнали про родителей такую новость? Какие же мы нелюбопытные! Мать долго ждала отца, оттого и дети поздно родились... Вот тебе и еще один отголосок войны... Это на какую же протяженность во времени она, проклятая, раскатилась!..

Я вошел в дом. За столом пели. “Ой, мороз, мороз, не морозь меня, не морозь меня, моего коня!” - высоко вытягивала мать… Что вставало перед ее глазами в эти минуты? Может, вспоминались годы лихолетья, когда она на конном дворе выполняла мужскую работу и Орлик был тем самым конем из песни?..

“Я вернусь домой на закате дня...” - выводил отец низким голосом… Что вспоминалось ему? Может, военные годы, когда не знал, доживет ли до завтра…

- Сынок, посиди с нами, - предложил отец.

Он весь как-то по-доброму размяк, просветлел лицом, даже морщин, казалось, стало меньше. Я уже давно не видел, чтобы он так улыбался.

Я сидел с родителями и думал: почему же мы такие? Кто же нам о семье, о родове всё расскажет,

когда родителей уже не будет в живых?.. Постой, постой, их же совсем не станет на свете!.. Впервые это мысль обожгла душу, а я к этому совсем не готов!

А мать с отцом выводили:

Перевозчик-водогребщик,

Парень молодой,

Перевези меня на ту сторону,

Сторону – домой…

Только перевоз-то не домой, а совсем в другую сторону – невозвратную!.. «А ведь это родители обустраивают последние земные дела свои!» – обожгла меня дума, как вспомнил про их регистрацию…

Неужели оборвутся кровные узы, отживут, отсенокосят отец с матерью и не к кому будет приезжать в деревню?.. Да и незачем: месте с родителями отойдут и крестьянские заботы...

Тогда и от меня отсекутся мощные корни, питающие мою душу... Тогда и я лишусь чего-то самого важного, несказанно сокровенного на земле!..

3 место и звание лауреата – **Корсунский Дмитрий Михайлович**. Родился в 1963 году в г. Приозёрск Ленинградской обл. Учился в Лесотехнической академии. Работал в Управлении Уголовного Розыска ГУВД Санкт-Петербурга. Ведущий передачи «Гость студии» и «Точка опоры» радиоканала «Радио Мария». Живёт в Санкт-Петербурге.

За други своя

Афганские горы вызывали у Виктора Поспелова, служившего снайпером десантной роты, чувство удивления, восхищения и тревоги. Скалистые кручи, упиравшиеся почти в самое небо, казались вечными и умиротворёнными. Никакие человеческие отношения от страстной любви до безжалостной вражды, бурлившие на их лесистых склонах, не могли нарушить их величественный покой.

Глядя на горный пейзаж, Виктор поражался контрасту почти первобытной природы и поведением воинственных горцев, живущих среди необыкновенной тишины и красоты деревьев, прозрачно-хрустальных рек, ярких цветов. Он не мог никак понять, почему малограмотные душманы, воюющие против правительственных войск, столь ожесточены и фанатичны.

Сама природа располагала к спокойной, мирной жизни. Как часто ему хотелось сбросить с себя обмундирование и просто лечь загорать на горячем солнце или искупаться в потоках быстрых речушек! Смотреть на ясное, голубое небо и ни о чём не думать. Вспомнить детство, школьные годы, помечтать о будущем, о возвращении домой. Но на отдых можно было надеяться лишь в родном городе. Здесь же, стоило ему однажды беззаботно прилечь на землю, чтобы позагорать без гимнастёрки, и рядом с ним ударилась пуля. Ведь без защитного маскхалата он превратился в хорошую мишень.

В Афганистане нужно быть настороже и днём, и ночью. Каждый раз, вступая в бой, снайпер чувствовал какую-то противоестественность войны, её несовместимость с горной тишиной и природным покоем. И он не понимал, что заставляет талибов оставить многодетную семью и воевать. Зачем обычные мужики, которых заставляли работать на себя разные богачи, шли воевать против таких же бедняков, решивших жить по справедливости? Неужели им лучше быть бесправными рабами, чем свободными гражданами?

Душманы, которых десантник сбрасывал с гор снайперскими выстрелами, словно игрушечных солдатиков, в ближним бою не знали пощады и с попавшими в плен не церемонились, поэтому и Виктор не испытывал жалости к врагу, убивавшему его боевых друзей. Часто он чувствовал себя

вроде вооружённой машины, глухой к крикам и стонам врагов, слепой к страшным ранам и мучениям душманов.

Стреляя в горных мятежников, старший сержант Поспелов считал, что освобождает афганцев от тёмных сил злобы, от дурмана наркотиков и власти расчётливых богатеев, высасывавших из бедняков все жизненные силы. Но, несмотря на все подобные доводы, ему казалось, что, кроме силы оружия, должно быть еще какая-то духовная сила, помогающая одурманенным душманам вернуться к нормальной, мирной жизни.

Теперь же, выполнив боевое задание, Виктор со всей десантной ротой пробирался в условленное место, из которого их должны были забрать винтокрылые вертолёты. Густой лес, покрывавший горы, был для солдат и спасителен, и опасен.

Им оставалось совсем немного, когда командир роты получил сообщение, что более двух тысяч душманов, соединившихся из нескольких отрядов, окружают десантников плотным кольцом. Бандиты шли по пятам и их разделяло всего несколько сот метров, самое большое – четверть часа.

Сложность ситуации обострялось необходимостью прохождения через равнинную местность. В ней солдат могли расстрелять, точно мишени в тире. Выход был один – кто-то из бойцов должен был остаться в лесу для прикрытия всей роты. Перед самым полем капитан Иван Ермолов оглядел солдат, выбирая того, кто лучше всего сможет выполнить последнее задание.

Устало сняв с плеча автомат, Виктор подумал: «Кого оставят?». Он понимал, что у десантника, оставшегося в прикрытии нет и малейшей возможности остаться в живых. Солдат представил себя на месте командира. Как бы он поступил? Молодых бойцов нельзя, они не выдержат и пяти минут боя, а старослужащих жалко – уже вышел приказ об их увольнении в запас.

Лучше всего подойдёт снайпер, который участвовал во многих боевых операциях и сможет удержать горцев на всё время перебежки опасного участка. В роте пятеро снайперов – трое молодых, только-только пришедших с учебного подразделения, один легко ранен в правое бедро и он. Выходит, ему оставаться? А может быть, повезёт?

– Старший сержант Поспелов, остаётесь в прикрытии, – скомандовал ротный, – отходите, когда все перебегут поле.

– У меня же приказ об увольнении,– сказал снайпер, понимая, что остаётся на верную гибель. До дому оставалось меньше недели. Погибать в последнем бою было не столько страшно, сколько мучительно больно от осознания крушения всех надежд. Ему, простому парню из сибирской деревушки нужно удерживать лавину бандитов, обученных военному делу зарубежными инструкторами. Нужно принять весь огонь душманов на себя. Его окружат и убьют меньше, чем за четверть часа. Но именно за это время вся рота успеет перебежать в относительно безопасный перелесок.

И умом, и сердцем солдат понимал, что должен остаться и ценой своей жизни дать жизнь своим же друзьям. Для него настало самое главное время во всей жизни – стать защитным щитом и десантной роты, и Отечества, и веры.

Внутри груди что-то дрогнуло, точно не желая расставаться с жизнью. Почему погибнуть должен именно он, ставший за годы службы лучшим снайпером? Потому что сам выбрал службу в десанте, а не в стройбате, в который попадали слабые, безвольные юноши. Никто из слабачков его двора не смог бы выдержать войну в горах, где нужно быть сильным. Виктор же чувствовал, что должен служить в самом опасном месте, поскольку был смелым крепким парнем. А раз он самый сильный,

то и должен проходить самую тяжёлую службу, а не прятаться от призыва в армию и не искать тёплое местечко вроде коптёрщика.

И тут он вспомнил про иконку Божьей Матери, в которую вонзены семь стрел. Образ Пресвятой Богородицы лежал в левом кармане гимнастёрки. «Молись,– молнией пронеслась спасительная мысль, и Виктор взмолился – Богородица, спаси нас!».

А ротный, заметив замешательство бойца, посмотрел прямо в его глаза, стараясь поддержать солдата в критический момент. Ведь от мужества и опытности снайпера зависела жизнь многих десантников.

– Всегда есть последний бой, в котором нужно победить, – сказал командир роты. – Ты, Витя сможешь всех прикрыть… Ты остаёшься. Остальные, вперёд.

– Товарищ капитан, разрешите остаться, – неожиданно выступил вперёд младший сержант Егор Денисов.

– Разрешаю.

Все десантники сразу же почувствовали, что стало легче на душе – у двоих есть возможность выжить в смертельном бою, который продлиться не более пятнадцати минут. В это мгновенье снайпер понял, что жизнь Егора стала для него намного важнее собственной. Он должен думать не о себе, а о своём товарище, который не по приказу, а по зову сердца остался с ним, чтобы поддержать его в самой тяжёлой, неравной и смертельной схватке. Осознание того, что он не один давало силы и надежду.

– Спасибо, брат, – облегчённо сказал Виктор,– когда наши проскочат, уходи первым, я прикрою.

– Хорошо.

Рота продолжила быстрое движение вперёд, а бойцы прикрытия заняли позиции среди лесной чащи. Осматривая ближайшую окрестность, Виктор мысленно молился Богородице, чтобы Она защитила от вражеских пуль и гранат. Его сердце просило спасения Егору и всей десантной роте, чтобы все бойцы вернулись домой живыми, а не в холодных цинковых гробах.

Сам же он уже был готов к смерти, был готов биться до последнего дыхания. Виктор чувствовал, что собранность всех своих духовных и физических сил воедино. Он осознавал себя простым ратником, вышедшим в открытое поле против вражеских полчищ. Вспомнился монах Пересвет, бесстрашно выехавший на единоборство с кочевником Челубеем, похвалявшимся своей силой. И Виктор представил, что теперь уже он выехал на схватку с кочевником и, опустив тяжёлое копьё, летит на чужеземного захватчика. Рядом с десантником был его боевой товарищ Егор, защищающий всех своих друзей, родных и Родину.

Между тем еще ничто не предвещало жестокого, кровавого боя. Совсем поблизости с Виктором летали лесные птицы, ползали по земле деловитые жуки, мирно грелась на холмике чёрная гадюка, свернувшаяся в несколько колец. «Почти как дома,– подумал солдат,– Почему же у нас мир, а здесь война? Откуда в душманах дикая ненависть, кидающая их под пули? И будет ли здесь мир, если нас не будет? Чем моя жизнь лучше их?».

Ему хотелось любоваться природой, небом и птицами, но интуиция подсказывала, что через несколько минут в этом тихом, мирном лесу начнётся настоящая трагедия, конца которой и не видно.

Когда же первые бородатые душманы оказались в прицеле, старший сержант начал стрелять. Его поддержал автомат Егора, и несколько бандитов упали замертво, а остальные залегли на землю и открыли ответный огонь. Казалось, что выжить под плотным градом душманских пуль невозможно, но десантники всё же каким-то чудом удерживали их яростный натиск. С каждой минутой горцев становилось всё больше и больше, и они, несмотря на смертельный отпор, всё ближе и ближе подбегали к десантникам.

Виктор отчётливо видел их решительные, суровые лица; полосатые халаты, выцветшие чалмы и воспалённые, фанатичные глаза. Их воинственные фигуры и громкие крики разрушали всю атмосферу лесного покоя. Они упрямо бежали вперёд, чтобы разорвать десантников на десятки частей, утолить свою беспощадную жажду мести и очистить горы от неверных.

Снайпер хладнокровно врывал душманов в тёплую землю, а их мёртвые лица продолжали сохранять ожесточённость, силу и обречённость. Чем больше Виктор убивал бандитов, тем больше была возможность выжить.

Младший сержант Денисов, увидев, что рота уже скрылась в перелеске, росшем за полем, бросил три осколочные гранаты в бандитов и начал стремительно отходить, а Виктор снайперскими выстрелами перевёл весь бой на себя. Горцы, ожесточённые сопротивлением солдата, расчётливо рвались вперёд, словно предчувствуя расправу над снайпером, уже уничтожившим много душманов. А он, короткими перебежками, перебирался к краю поля, на котором мог стать вроде дичи, взлетающей прямо перед стволом опытного охотника.

Чужие пули пролетали столь близко, что десантник слышал их свист и уже ожидал, что вот-вот и одна из них вонзиться прямо в его спину и ему останется всего одно дело – дёрнуть чеку гранаты, чтобы не попасть в плен.

Выбежав на равнину, Виктор увидел впереди угловатый камень, стоящий примерно посреди голого поля. Интуиция подсказывала, что за гранитной глыбой можно будет или укрыться перед последним рывком, или продолжить бой.

Едва он оказался на поле, уверенно и точно заработал автомат Егора, отсекавший бандитов. Виктор, пригибаясь к самой земле, стремглав побежал к гранитному валуну. Ему казалось, что сама страшная смерть бежит следом за ним, так и норовя скосить его своей смертельной косой. Лишь автоматные очереди друга, заставлявшие душманов приостановить преследование десантника, давали ощущение жизни и надежду, что еще чуть-чуть и он будет за камнем.

Но стоило ему укрыться за камнем, и град пуль осыпал весь валун. Оставался последний бросок в жизнь или смерть. И тут Виктор почувствовал, что сейчас он должен отстреливаться от бандитов до последней пули. Десантник слегка высунулся из-за камня и начал прицельный огонь из своего автомата. Трое душманов, кинувшиеся следом за ним, получили свинцовые «наградные» и рухнули вниз. Остальные бандиты, прижимаемые к земле младшим сержантом, повели лишь беспорядочные выстрелы и Виктор рванулся к перелеску.

Когда он бежал по полю, ему казалось, что за его спиной стоит какой-то незримый щит, прикрывавший всё тело и отводящий от него все вражеские пули. Достигнув кустарников, Виктор понял, что спасён. Они вместе с Егором выиграли бой у тысяч душманов, которые, по всем законам физики, должны были бы их убить.

Оказалось, что и два друга могут не только сражаться против множества врагов, но и побеждать в неравном бою. Ведь каждый раз, когда наступает опасность для друга, Отечества и веры, настоящие мужчины сражаются не щадя живота своего и им помогают все святые и силы небесные.

Звание дипломанта – **Гуляев Владимир Георгиевич**. Родился в 1957 году в селе Шелаболиха Алтайского края. Окончил Алтайский Политехнический институт. Пишет стихи и прозу. Живёт в г. Барнауле.

Первый бой за Ольховку

Дивизия в составе 236-го, 241-го, 244-го кавполков продолжала 'марш' на Волховский фронт походным порядком: все бойцы шли пешком, а на лошадях в седлах транспортировали боеприпасы и фураж.

- Ну, вот, Леонтий, а ты падать учись, падать! Чтоб ребра не сломать! Второй месяц на лошадь не садились, - пошучивал Бахарев, - Эвон, змеиногорцы за лошадей как спрятались, не то, что немец, я их уже неделю не вижу и не слышу.

- Это они с лопаты соскользнули. Да затаились, чтоб табачком не делиться, - поддержал его Гриша Меньшиков.

- А чё, у них еще табачок остался? Я бы погрелся, малость, табачком-то. А то мороз гуляет под шинелькой.

Тридцатиградусные морозы, бомбежки с воздуха и плохие дороги сдерживали передвижение дивизии, но, тем не менее, во второй половине января 1942 года она вышла на намеченные позиции и с 18 по 22 января находилась в резерве фронта в районе Большой Вишеры и сосредоточили

достаточные силы, для развития наступления. После непродолжительного отдыха, 26 января, дивизией был получен приказ выдвигаться в прорыв в район северо-западнее Мясного бора, и освободить от врага населенный пункт Ольховка. В дальнейшем наступать в общем направлении Ольховка, Апраксин Бор и Любань, не позднее 27 января перехватить шоссе и железную дорогу Чудово - Ленинград и овладеть Любанью.

Это означало, что пришло время необстрелянной дивизии вступать в бой. Этим же днем 236 кавполк впервые был атакован немецкой авиацией. При появлении бомбардировщиков и истребителей, кавалеристы бросились в рассыпную, но шедший всю ночь снег помешал бойцам быстро рассредоточиться и укрыться в перелесках и овражках.

В результате более сорока человек были убиты и ранены, а также уничтожено несколько пулеметных расчетов.

После того, как воздушная атака противника закончилась, полк, преодолевая бездорожье и глубокий снег, все-таки атаковал деревню Ольховку.

Фашисты сопротивлялись отчаянно, у них было большое преимущество: хорошее вооружение и укрепленные пулеметные точки с хорошим обзором для ведения боя. Знали бы они, что их атакуют не обстрелянные и наспех обученные бойцы, еще недавно бывшие деревенскими мужиками.

В пылу боя Леонтий потерял из виду своих сотоварищей, только односельчанин Иван Бахарев держался рядом с ним. Они и ещё несколько бойцов, заскочив в деревню со стороны огородов, спешились с лошадей, пролезли через разваленную изгородь, проползли по глубокому снегу и залегли возле какого-то сарая. По всей деревне были слышны взрывы, пулеметные и автоматные очереди, пули, казалось, летели со всех сторон, не давая поднять головы.

- Так, Иван, ты помнишь, как на охоту в забоке ходил? Или ты не охотник?

- Да охотник я, я же тебе уже говорил, что охотник. И чё?

- Так вот лежи и слушай, понял?

- Чего слушать-то?

- Чего, чего! Откуда пулей больше летит, а откуда меньше? Это и слушай. И вы, мужики, глядите, где нам фрица лучше отстрелить.

А сам думал: 'Надо же, попали так попали, чё делать, где эти наши командиры, куда наступать-бежать, кого пугать, куда стрелять...вот, как в полымя бросили, и ...никого! Что предпринять Леонтий не знал, а сдуру помирать охоты не было. Ждать надо, осмотреться. «Паша, Маша, Коля, Федя, Гена...» - как молитву молвил он про себя.

Снег пошел большими хлопьями, начинало смеркаться.

- Мужики, расползитесь хоть по сторонам чуток, да кто-нибудь гляньте: в сарай можно залезть, и с того угла сарая посмотрите чего там с той стороны делается, может пулеметчика или пушку приметите.

Леонтий уже сосредоточил свое внимание на чердаке дома, находящегося метрах в двадцати от них, откуда пулеметный расчет немцев стрелял вначале в сторону сарая, явно, просто, не видя их, а затем переместил размеренную стрельбу в улицу. Видимо там залегли наши.

- Иван, видишь окно на чердаке?

- Вижу.

- Ты, лежа, я с колена, стреляем на три. Бери в прицел чуть ниже и правей на локоть, я возьму чуть выше и ещё правей. Потом ты сразу перезаряжай, бери чуть левей и ниже и сразу стреляй, понял. На три. Раз-два-три.

Два выстрела слились в один, потом еще вслед - бах, бах. Немецкий пулемет смолк. Леонтий, согнувшись почти до земли, побежал от сарая к дому, на ходу достал лимонку, кинул её в окно дома и залёг за крыльцом. Рядом плюхнулся Иван. Взрыв лимонки вынес оконные рамы, в избе никто не вскрикнул, значит там пусто. А по улице уже бежали красноармейцы и впереди них с немецким автоматом майор Романовский. Леонтий с бойцами двинулись огородами, осматривая сараи, погреба и дома. В нескольких погребах были жители деревни, выгнанные из домов немцами. От вида сельчан, находящихся в одном из погребов: старика со старухой, женщины лет сорока и трех ребятишек, закутанных в разные платки и лохмотья, которые при свете зажженной лучины смотрели на солдат обреченным взглядом, Леонтию стало не по себе, колкие мурашки пробежали по спине. Он представил на месте этих ребят своих детей. Да так ясно представил, что ему стало зябко. 'Ну, нет! Этого, такого, не будет, никогда!' - дал он клятву себе.

- Как вы тут, никто не ранен?

- Да нет, милок, раненных нема. Холодновато только, да боязно! Что ж вы их так далёко запустили-то?

- Ничего, мать, прогоним! Дайте только время, обозлиться.

Было ощущение, что прошла целая вечность. Стрельба не утихала, но показалось, что переместилось направление обстрела. После почти семичасового боя, немцы спешно покинули деревню, под прикрытием наступившей темноты и продолжающегося снегопада. В таких условиях преследование врага было решено не продолжать и, командиром полка, майором Романовским был отдан приказ - закрепится в Ольховке, собрать трофеи, тела убитых и отправить раненых в тыл, выставить часовых. Один из домов в центре села был занят под штаб полка. Поздно ночью майор Романовский собрал командиров взводов и эскадронов, он выглядел больным. Все командиры тоже были очень уставшие, но в приподнятом настроении, ведь это была их первая победа в первом бою.

- Поздравляю, товарищи командиры. Вы и бойцы хорошо поработали, знаю, что было трудно. Будет еще трудней. Немец, он теперь обозлился, что мы его в поля, да леса загнали. Теперь ваша задача собрать своих бойцов, определить места сбора по тревоге, обеспечить связь и проверить караулы. Смена караула каждые два часа. Исходя из результатов дневного боя, проведите инструктаж взаимодействия бойцов по тактике ведения боя. Обеспечьте горячим обедом бойцов и население Ольховки, и дайте отдых бойцам. Все свободны. Сбор здесь в шесть утра. Капитан Надирадзе, нужно установить связь с другими полками и штабом дивизии.

- Есть. Вам бы отдохнуть, товарищ майор! Плохо выглядишь, командир.

- Хорошо, часика два вздремну, потом разбудишь, и пойду караулы проверять...

После боя бойцы полка собрали первые боевые трофеи и похоронили своих погибших однополчан на краю села, в ближайшей ложбине, но в другой стороне от немцев, молча, почтили память. Это были первые потери тех, с кем еще сегодня утром вместе завтракали, а днем, бок обок, шли в атаку. Раненые были отправлены в тыл. Ни среди погибших, ни среди раненых Леонтий с Иваном не

нашли своих товарищей, только уже к утру отыскался Григорий Меньшиков. А Алексей Обидин и Яков Матвеев как пропали. Не объявились они ни на следующий день, ни в другие дни.

- Да, видимо погибли наши друзья - однополчане, Яков и Алексей.

- А может в плен попали?

- А может раненые в той бомбежке, лечатся теперь где-нибудь в медсанбате.

- Может и так...

Не знали они тогда, что их сотоварищи Обидин А.Ф. и Матвеев Я.Е. погибли во время той первой авиабомбёжки в районе деревни Мясной бор и снег запорошил их тела. Ночь прошла спокойно. Вымотанные за прошедший день бойцы, спавшие вповалку в нетопленных домах и сараях, просыпались с трудом. Огонь и костры жечь было запрещено. И никто из них не мог себе представить, что эту ночь те, кто останется в живых до весны, будут вспоминать как райскую ночь. Больше такой спокойной ночи у них просто не будет... Связь со штабом была налажена. Майор Романовский всю ночь ходил по Ольховке, проверял караулы, заходил в дома, где отдыхали солдаты. В некоторых домах были и хозяева, местные жители, которые не эвакуировались, и пережидали вчерашний бой в погребах.

- Сынок, как же дальше-то жить будем? Неужели под немцем останемся, когда вы уйдете. Ох, страшно-о!

- Нет, мать, не останетесь, мы их побъём, всё равно.

- Да, уж хоть бы. Деточек жалко...

В душе майора всё перевернулось, что-то больно кольнуло в груди и заныло под лопаткой, в голове запульсировало. Что он мог сказать этой старухе, этим деревенским теткам и старикам? Он и сам не знал, что будет дальше. То, что Красная армия победит, это было ясно. Но когда это будет? Не знал про то майор Романовский. Враг силен. Вдруг голову сковала, широким кольцом, тягучая боль, в глазах на какое-то время потемнело, потом темнота отошла. Но что-то странное стало со зрением: перед ним стояли люди в разном цветовом изображении - его заместитель, капитан Надирадзе, выглядел как обычно, а вот местные жители были как на черно-белом фото. 'Что за наваждение?'- мелькнула мысль. Майор тряхнул головой, закрыв и открыв глаза. Голова кружилась, а перед ним стояли обычные люди. 'Следствие контузии' - подумал он.

- Всё будет нормально, мать, - как-то не совсем уверенно сказал майор: Нор-маль-но...

Проходя мимо одного двора, майор увидел старого знакомого бойца, раздетого по пояс, обтирающегося снегом.

- Вроде, Леонтий тебя по имени зовут, боец? Не простынешь в такой мороз раздетым-то?

- Да нет, товарищ майор, привыкший. Дома-то каждую субботу в баньку да в прорубь раз по несколько. И ничего.

- А где твои друзья-товарищи? Все живы? Что-то не видать.

- Да вот двоих пока нет. Ни в раненых, ни в убитых. Заплутали может где, вон какая метель вчера была. А может и хуже.

Из дома вышли два бойца и подошли к ним.

- Здравия желаем, товарищ майор.

- Здравствуйте, бойцы, кажется Иван и Григорий. Вот смотри, капитан, про этих бойцов я тебе говорил тогда в Барнауле. Сообразительные бойцы.

- Помню.

Вдруг в голове майора опять что-то щелкнуло, и на какой-то миг он увидел, что рядом с Леонтием стоят два бойца как с черно-белого фото.

- Скоро в бой, держитесь вместе, бойцы.

Справка:

Если ехать по дороге на автомобиле, то расстояние между Санкт-Петербургом (Северо-Западный федеральный округ) и урочищем Ольховка (Чудовский район, Новгородская область), составляет 157.5 км. (Любанская фронтовая операция - одно из кровопролитных сражений Великой Отечественной войны. Её конечной целью являлось снятие блокады с города Ленинграда.)

Звание дипломанта – **Павленко Клавдия Ивановна**. Родилась в селе Б. Козинка Краснодарского края. Окончила 3 курса юридического факультета РГУ. Работала в органах МВД. Награждена орденом «За личное мужество». Живёт в г. Ростове-на- Дону. Член Союза писателей России.

Нюшка

Она прожила длинную жизнь. И сейчас, лёжа тихонько на чистой, пахнущей свежестью простыне и глядя подслеповатыми, но всё ещё ярко-синими глазами в одну точку, она вспоминала, вспоминала…

Нюшке везло. В свои восемь лет она выглядела на все двенадцать.

И, благодаря этому, её, много раньше сверстниц, взяли нянькой к годовалому бутузу зажиточные соседи. Ребёнок как раз начинал ходить и за день так обрывал руки, что ночами они нестерпимо ныли. Нюшка скулила, словно маленький щенок, но делать было нечего. Пока она нянчила этого шустрика, по крайней мере, с голоду умереть ей не грозило. А день, когда Нюшка, сопя от натуги, приволокла домой оклунок заработанной ею пшеницы, запомнился на всю жизнь. Мать, обычно скупая на ласку, ойкнула и благодарно зыркнула на неё мигом покрасневшими глазами. А сёстры-погодки, никогда не евшие досыта, тут же заныли:

– Хле-е-еба!

Отца у них не было. Ну, не то, чтоб вообще, но из трёх сестёр только Нюшка смутно помнила его. В деревне говорили, сбежал он из бабьего царства: от жены, тёщи и трёх дочек. Пристал к какой-то вдовушке в селе за рекой, да так и не отстал. Нюшка видела однажды, как мать, собравшись до зари, отправилась куда-то, наказав ей, чтоб смотрела за сёстрами. А потом вернулась, будто неживая. Только и сказала:

– Всё. Нет у вас больше отца… да и был ли…

А когда Нюшке семнадцать стукнуло – влюбился в неё Василь, красавец первый. На мандолине играл так – сердца девчат в пятки уходили!

Нюшка в девках строгой была. Ребята от неё, как плотва в речке – шугались, стороной обходили. Глазами, синими до черноты, поведёт она – дар речи теряли. Василь – другое дело. Нюшка сама немела, увидев его…

Без малого пятнадцать лет, как один день, хмельной да сладкий, прожили Нюшка с Василём. Четырёх сынов она ему родила. Младшенькому, единственному похожему на мать 21-го июня годок сравнялся. А 22-го –война! Обрушилась на их только чуть полегчавшую после голодных 30-тых жизнь, будто грома удар.

Нюшка Василя на фронт провожала – слезы не уронила. Только белая была, как напудренная. А глаза её синие и вовсе чёрными стали. Знала она, всем существом чуяла – не увидятся больше.

Так и вышло. В первом же бою упал её Василёк лицом в траву, да так и остался лежать. И опять она не плакала. Просто, как подкошенная, рухнула – лишь похоронку в руки взяла. Не прочитала. Не глянула даже. Она знала. Ведь они единым существом были… А война тогда только начиналась…

В комнату вошла Галина и ненадолго вернула её к реальности:

– Мам, обедать пора.

Поправила подушку, присела рядышком. Суп – душистый, с плавающими золотинками, горячий в

меру и вкусный. Котлетка да чай духмяный, её, Галинин, чай. С мятой, чабрецом…

Ела Анна Тимофеевна (давно уже, конечно, не Нюшка!) без аппетита.

Но, не желая расстраивать Галину, старалась доесть…

А глаза её опять упёрлись в ту же точку… И снова война.

Как они пережили её, проклятую, она до сих пор не понимает. Сёстры, давно повыходившие замуж, и до войны-то приезжали не часто. А уж теперь и вовсе запропастились куда-то. Мама, так и не пришедшая в себя после предательства отца, всё как-то больше лежала, ко всем и ко всему безучастная. А её, Нюшку, сразу постаревшую, стали все звать Тимофеевной, хоть и было ей в 41-м немногим больше тридцати. А ей самой это было безразлично. Не время такой чепухой мысли занимать, выжить бы!..

Правда, она тогда уже птицефермой в колхозе заведывала. Все знали, председатель Нюшку уважает, сочувствует ей и понимали – в случае чего, он сделает вид, что не заметил, если унесёт она какую курочку или там пару яиц. Но, то ли из гордости, то ли от излишней, мешающей жить, честности, не хотела она унижаться до воровства. Понятное дело, легче от этого никому не было. Перебивались с кваса на пустой суп.

А некоторые и в то тяжкое время жили неплохо. Вон, Петро Косулин!

По инвалидности воевать не взяли. Когда-то давно по пьяному делу подрался, да и остался без одного глаза. Так ему война была, как добрая тёща. По долгу поста своего (парторг колхоза) собирал он для фронта провиант: яйца, сало, картошку. Да только видали люди не раз, как трескал сам он те яйца и сало, и картошку. И не подавился тем провиантом, чтоб ему… Одно тогда радовало Нюшку: сыновья её были возраста непризывного!

Илюше, старшему, летом 41-го ещё и пятнадцати не было. Но время шло, а война не кончалась. В 43-ем Илюша добровольцем воевать ушёл. Поначалу писем не было. Нюшка холонула от мыслей страшных. Но потом пришло письмо, другое… И она, если и не успокоилась, то всё же притерпелась к тому, что ёкает в груди днём и ночью.

Поговаривать стали, что конец войне скоро. Стали лица людей посветлее. Надеждой глаза засветились. А Нюшке теперь с сыновьями повоевать пришлось. Все трое, четырнадцатилетний Иван, Гришка десяти с небольшим и даже, а вернее, особенно младший, четырёхлетний Алёшка, – только и дел, что на фронт собирались! А как же?! Войне конец, а они – не повоевали, не надрали шеи фрицам…

Нюшка вспомнила ту последнюю военную весну. Радовалась она первым тёплым денёчкам! Теперь проживём как-то! Гляди, скоро Илюшенька вернётся, её опора… Ещё вспомнила, как в один из этих тёплых дней ёкнуло отчего-то в груди при воспоминании о старшем сыне. Как-то по-особенному ёкнуло, будто сердце оторвалось и упало. Она тогда не хотела думать об этом, старалась выбросить из головы. Но уже знала. Опять знала, как и тогда, про Василя. Прошло несколько дней, Нюшка успокаивала себя:

– Показалось… не может быть!..

Оказалось, – может!.. Илюшенька!.. Кровиночка!.. Сыночек!..

После похоронки на Илюшу окончательно слегла мама. А после её похорон Нюшка, чёрная и

страшная, как смерть, впряглась в весеннюю работу. Надо было жить.

С окончанием войны пришли усталость и пустота. Будто бы мчалась она куда-то без отдыха и сна, да, вдруг, – остановилась! Удивилась, – нет впереди ничего, пустота одна, оглушающая и страшная. Ей твердили:

– Три сына у тебя, везучая! –

Но опомнилась Нюшка не скоро. После и сама думала не раз:

– И верно, везучая! –

Война в их колхозе из полусотни мужиков и десятка не оставила. А её Ванюшка в ту весну уже на трактор сел. В сараюшке к первой мирной осени зазолотилась пшеничка, хлебушек. Кормилец приходил домой позднёхонько, чумазый, пропахший потом, бензином и травами. Мылся, по-отцовски дотошно, досуха утирался свежим полотенцем, жадно ел и валился спать. Гришка, стараясь не так помочь матери, как не отстать от старшего брата, взял на себя огород и десяток гусят, которых, ещё жёлтыми комочками, принесла в подарок её крестница Галя. Эта самая Галина. Мать её, подругу Нюшкину задушевную, в первую послевоенную зиму волк задрал, когда та овец стерегла. Никто не видал, как это случилось. Просто как-то утром нашли её с перегрызанной глоткой, уже остывшую. Волков тогда развелось, – даже днём страшно было за село выйти. Голодные да злющие, они совсем близко к людям подходили. Были случаи, и нападали. Дочка этой самой подруги Нюшкиной, Полины, после смерти матери пришла к ней, да так и осталась в доме. А с её приходом и Нюшка будто опомнилась, в себя пришла. И медленно, очень медленно становилась той, какою её знали раньше. И только иногда останавливалась она среди дороги, будто натыкалась на что. И, постояв так, когда недолго совсем, секундочку, а когда и долго-долго на одном месте, – отправлялась дальше. А Галя стала для неё настоящей дочерью, роднее самой родной…

Сёстры, обе давно замужние и хорошо обеспеченные, жили в Ташкенте, куда уехали в самом начале войны, да так и осели там навсегда.

Приезжали редко. А когда уезжали, с её плеч груз тяжёлый падал.

Дело в том, что Нюшка всё ещё была привлекательной, несмотря на появившиеся в косе серебринки да на черноту вокруг глаз. И мужчины всё ещё одаривали её своим вниманием. Зятья исключением не были. Вдобавок, почти не просыхали. Вина домашнего, ароматного да хмельного, в каждом погребе припасено было. И они поочерёдно доканывали её своими назойливыми знаками внимания, прикосновениями украдкой до такой степени, что она каждый раз была готова взорваться от любой мелочи. Но каждый раз – молчала. Сёстры и без того относились к ней прохладно. Она не хотела, чтобы они отдалились ещё больше. И всё же, как-то, когда Нюшка в очередной раз отправилась в погреб, а Степан, муж старшей сестры Натальи, воровато поглядывая по сторонам, поволочился следом и, спустившись вниз, прилип к ней, как приклеенный, – она не выдержала! С трудом отпихнув раззадоренного родственника, сказала негромко, но веско:

– Не уедете завтра – всё скажу Наташке! – Это подействовало. На следующий день родственники засобирались домой. А после сёстры приезжали всегда без мужей, каждый раз гадая, чем их мужики так заняты! Как и в детстве, они оставались «не разлей вода», обе жили обеспеченно и обе не работали. И дома их располагались рядышком.

Шура, младшая, привыкшая к лидерству Натальи, всегда поступала так, как советовала сестра, соглашалась с нею, поддакивала. Когда Шура женила сына, Нюшка впервые поехала к ним на недельку. Отказаться никак не могла, сёстры и без того уже давно обижались, что не приехала она к

ним ни разу. Да, видно, уж лучше бы они продолжали обижаться! Как и следовало ожидать, Степан снова не давал ей проходу. Та отбивалась, как могла и ругала себя за то, что всё же, выбралась в гости! Как-то раз Шура вошла в тот самый момент, когда руки Степана обвивали и насмерть удерживали Нюшкину талию. Виноватой, конечно, оказалась Нюшка! Да она и не пыталась оправдаться, для себя рассудив, что достаточно и того, что она, Нюшка, – одинока! Не хватало ещё, чтоб и Наталья одна осталась! Больше они не виделись. Нюшка писала письма, но они возвращались с пометкой «Не проживает».

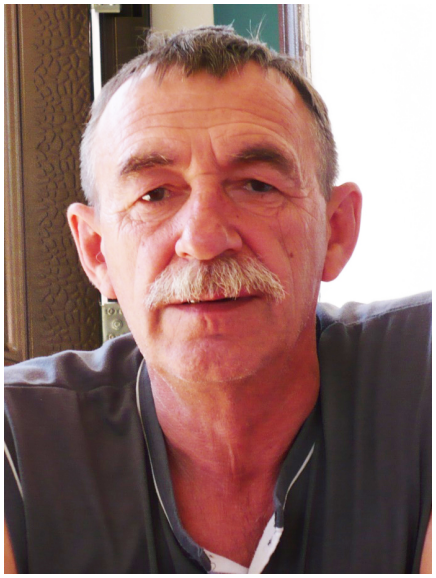
Подживали раны. Забывались беды и обиды. Переплетались судьбы.

Сын Нюшки Иван женился на дочери того самого Петра Косулина, что жил в войну припеваючи. Работал Иван на новеньком тракторе, зарабатывал неплохо. К ней, своей матери, дорогу почти позабыл. Хоть и пылил частенько мимо на своём железном коне. Иногда, конечно, и захаживал. Но всегда – торопился, будто боялся чего. Мать не корила его. Понимала: в семье всегда всё от женщины идёт. И если сын чужими глазами смотрит, видать, не жалует её невестка. Да ей-то, старой, от них и не надо ничего, только б между собой ладили, только б жили, детей не сиротили.

Гриша и Алёша давно уехали целину осваивать. Писали редко, приезжали ещё реже. У обоих семьи, дети. И она старалась не надоедать с вопросами, не мешать. Несмотря ни на что, она знала, что они любят её, свою мать.

Она прожила долгую жизнь. Любила. Страдала. Работала. Старалась всем помочь и никому не помешать. Была благодарна Богу за всё. И умерла она тихо-тихо. Просто устало вздохнула и прикрыла свои ярко-синие глаза.

Звание дипломанта – **Талызин Николай Юрьевич**. Родился в 1958 году на Дону в городе Цимлянске. Однако детство и юность прошли на Русском Севере в г. Инта, Республика Коми. После окончания Саратовского высшего военного инженерного училища химической защиты служил в Советской Армии. Живёт в г. Саратове.



Я убил твоего деда!

Дедушка Даян, едва закончили праздновать Навруз, собрался помирать...

- Слава Всевышнему, пожил... Пора и честь знать! В тягость стал я и своим домашним, да и сам себе давно уж не рад. Не до ста же лет тянуть...

У старого Даяна в просторном доме была своя небольшая комната, но он разместился на топчане в гостиной за печью, как «по-старинке», говорит. Одел новые сатиновые ыштаны и свежий кумляк. Так и лежит несколько дней.

А на дворе стоял май! Весна украсила сады белоснежными цветами, поля и леса многообразием ярких красок. Изумрудная зелень полей, бездонная синь небес и божественные песни птиц. Жизнь на земле продолжалась, слава Аллаху, природа цвела!

Ещё неделю валялся на топчане старый Даян, но уже больше кряхтел и постанывал, чем молился.

Утром 9 мая дедушка Даян бодро поднялся, выпив чашку чая с молоком, надел выходные в полоску ыштаны, безрукавный камзол, достал из шкафа парадный жилан с двумя медалями: «За отвагу» и « За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945». Ещё добрый десяток медалей и орденов, которые давали в честь юбилеев после войны, ветеран не носил на парадном халате, складывал аккуратно в картонную коробочку вместе с наградныминикнижечками. Долго кряхтел и не по-доброму вспоминал свою немощь, обувая высокие ичинги. Подпоясавшись вышитом шёлком кушаком, водрузив на голову высокий бархатный тубэтэй, праздник ведь, старик вышел со двора. Домашние, зная непростой, а то и вовсе крутой, норов дедушки, не посмели ему перечить.

Возле стареньких «Жигулей» копался в запчастях своей «кобылицы» соседский внучек Мурад. Он-то был совсем как родной Даяну, на руках рос у соседского дедушки вместе с его многочисленными чадами, так как свой дед с войны не вернулся... Муратка даже чуток роднее был, чем свои, мог тяжкий и грубый характер Даяна стерпеть, считая его справедливым, а не жестоким. К тому же

Мурат трудится любил, всё из-под его рук в толк выходило. За что и был в чести у дедушки Даяна: незаменимый помощник, а с годами и советчик. Но годы не просто шли, они стремительно пролетали, и уже внучек Мурат имел своих внуков, которые шумно и весело несколько лет назад отпраздновали пятидесятилетний юбилей дедушки Мурата. Вот такой-то внучек был когда-то, а теперь скоро и сам пенсионер... Годы, неумолимое время...

- Салам, дедуля Даян! Далеко ли направляетесь, и одни, даже трость свою забыли?

- Хэерле кон! Великий праздник сегодня. Мы, ветераны, каждый год в этот день собираемся у сельсовета, что теперь администрацией называют.

- Простите, дедушка Даян, как же я виноват, что сразу Вас не поздравил с этим праздником. Вот эта железяка виновата, чиню её чиню, а в итоге, не я на ней езжу, а она на мне. Дедуль, не уходите без меня, сейчас руки помою и провожу Вас. Присядьте на скамью.

Даян не посмел перечить внуку Мурату, присел. Куда-то своенравность и упёртость пропали, смирение подчинило буйный некогда норов. Через минуту-другую рядом с ветераном присел и совсем уж немолодой внук.

- Дедушка, простите меня, но... Как бы Вам сказать? Помните, как в этот Великий праздник я всегда ходил на майдан с Вами. Пять лет назад вас, ветеранов, было там трое. А прошлый год кроме Вас не пришёл никто. В селе участников войны, кои Великую Победу нам добыли, осталось лишь двое: Вы, дедушка Даян, да старик Акзам. Да и тот с постели не встаёт давненько...

- Нет, мой внучек, должен я идти к сельсовету, дабы помнили о Великой Победе, чтобы кланялись тем, кто головы сложил за ваше счастье. Пока Аллах не забрал меня на небеса, буду в этот день ходить на парад. Пусть и в одного...

Прошли дедушка Даян и внук Мурат по селу, постояли у крыльца администрации, из которой так и никто не вышел. Лишь на противоположной стороне площади у продовольственного ларька тусовалась молодёжь. Ковыляя по пыльному проулку, опираясь на более молодого соседа, добрел Даян до ветерана Акзама. Поздравил с Великим праздником, но поговорить не удалось: плох старый воин, совсем не узнаёт никого.

Да и сам дедушка Даян утомился, присел дух перевести на скамью у чьего-то двора. Мурат рядом, оставлять дедушку ни в коем случае одного нельзя. Старик склонил голову и тихо что-то бормотал, казалось, молитву читал.

- Дедушка Даян, Вы плачете? Вам плохо? Вон и слёзы на щеках! Сейчас врача позову!

- Не надо врачей мне, Мурат, благодарю. Врачи тело лечат, а у меня душа болит-разрывается! Мурат, за грехи мои Аллах к себе мою душу не заберёт никак... Грех мой велик: я на войне человека убил...

- Да что Вы говорите, какой грех. Вы врага убивали! Уничтожить захватчиков родной земли — это не грех, это великий подвиг! «Не останутся неисполненными молитвы воина за веру до его возвращения домой», - так говорит Пророк.

- Нет, я своего убил. Не только фашиста, в тех тоже много стрелял, но и своего односельчанина убил... Вот так я свой грех тяжкий на душу непрощенную положил...

Нас троих с одного села отправили в автобат: меня, Мидхада и Гамила. Мы с Мидхадом семилетку в

райцентре закончили, уже по-русски хорошо говорили и читали. А Гамил был постарше нас, рос без отца, всё хозяйство на нём с детства, не до учёбы ему, стало быть. И русского языка не выучил в селе, лишь с десяток слов понимал. Зато руки золотые, душа светлая, ответственный и бережливый. Хороший был солдат и отличный товарищ!

Выучили нас в полковой школе на шофёров быстро, фронт требовал боеприпасы, продовольствие и много ещё чего. Только успевай грузись-подвози. А к тому же нам здорово повезло: прямо с завода выдали новенькие полуторки. Кто же не будет рад новой машине, а мы-то вообще мальчишками тогда были, счастьем считали пахнущие свежей краской автомобили.

А как нас строго наставляли: беречь вверенную технику! Вплоть до трибунала за утрату военного имущества! Новые полуторки с завода укомплектованы инструментом и всем необходимым шофёру на войне. Сберечь всё надо.

Мы всё своё имущество, нарадовавшись, аккуратно сложили в машинах, а Гамил, пока стояли в ожидании погрузки и команды на марш, каждый свой гаечный ключ напильником протачивал: риски ставил, метки свои. «Зачем?» - спрашивали. «Надо» - говорит, и всё. Говорил же я уже: ответственный и трудолюбивый был Гамил.

Бои продолжались... Мы подвозили на передовую боеприпасы круглые сутки, даже спать часто неделями не приходилось. Загрузились ящиками с патронами, снарядами, минами, гоним через поля. Фашист учуял лёгкую добычу, самолёты прислал нас бомбить. Но и мы уже были учёные: не останавливаться ни при каких обстоятельствах, веером по полю и в ближайший лесок, пока у «фрица» бомбы и керосин не кончится, переждать надо.

Кончилась бомбёжка, боеприпасы привезли войскам, а Гамила нет. Стали даже о нехорошем думать, вдруг погиб, сгорел. Сколько уже нашего брата вдоль обочин фронтовых дорог в земле зарыто. Но через два-три часа заурчал знакомый мотор, добрался наш Гамил. Конечно, командиры стали допытываться, почему опоздал, где был. Меня позвали с Мидхадом, чтобы русские слова ему разъяснили. А он говорит, что, мол, ерунда: осколком трубку у карбюратора перебило. Пришлось напрямую подсоединить подачу топлива. Спрашивают, а отчего так долго трубку перекручивал. Гамил-то - честный человек, бесхитростный, говорит, что ключ десять-на-двенадцать потерялся. Эх, коль знал бы я, чем это всё кончится, то соврал бы вместо него, когда на русские слова ответ переводил командирам. Сам Гамил никогда бы не смог сказать неправду...

Сняли за опоздание и утрату вверенного имущества Гамила с машины и отправили в пехоту на передовую. Не скажу точно, штрафбат то был, или просто стрелковая рота. Какая теперь разница: фашисты палили не разбирая, кто против них стоял.

Через пару дней мы опять доставили груз в эти подразделения. Стоим, разгружаемся. Вражина бьёт и минами-снарядами, и немецкие пулемёты строчат не умолкая. Мимо нас в сторону передовой пробегает подкрепление, а обратным потоком раненые бредут, кого санитары несут. И вдруг слышу знакомый голос то Аллаха вспоминает, то своих близких зовет. Гамил! Хотел рванутся навстречу санитарам с носилками, но громогласно раздалась команда «По машинам! Вперёд!» Уже из кабины увидел, как санитары перевернули носилки, выкинули тело Гамила, и, пригнувшись, побежали на передовую. Умер Гамил, не донесли санитары его до санроты...

Теряли друзей, а война всё шла. Мы день за днём медленно, но всё увереннее двигались на Запад. Дали б мне сейчас мою полуторку, то даже ночью через леса и поля до Берлина проехал бы без всяких карт. Каждую тропку-дороженьку помню.

Случилось затишье на фронте. Нам дали время помыться, поменять и починить обмундирование, а,

главное, своих стальных коней подлатать. Чиним, стало быть, мы свои потрёпанные автомобили, и тут я замечаю в руках у Мидхада ключ десять-на-двенадцать со знакомой меткой. Пригляделся, так и есть: Гамила тот ключ, его риски от напильника! Ничего я не сказал Мидхаду, никому ничего не сказал. Только долго вечером уснуть не мог, вот из-за кого наш товарищ погиб. Не утратил он вверенное имущество, а украл у него Мидхад. Спёр ключ!

Немало километров исколесили мы по фронтовым дорогам. Всё дальше и дальше гнали врага. Однажды везём колонной груз на передовую, а впереди «фрицы» мост через безымянную речушку повредили. Сапёры ловко и скоро заканчивают чинить переправу. А тут опять напасть, нате вам! Откуда-то вновь фашисты на переправу прут. Залегли мы, кто в канаву, кто в воронку, за пень или ствол дерева укрылся. Палим по врагу из винтовок. Противник сильно упорствовать не стал, отступил вдоль берега ближе к своим. Так, слегка огрызается короткими очередями напоследок. Я стрелять уже и прекратил, лишь стволом и глазами верчу вправо-влево, вдруг вражину недобитую примечу. Глядь на мушку, а там знакомая голова в каске. В воронку спрятался, винтовка рядом лежит, а он голову кроме каски ещё и руками прикрывает. Мадхад, сучий выродок! Палец сам надавил на спусковой крючок. Башка вместе с каской отскочила за бруствер воронки, не удержал он руками подлую головёнку...

Добили «фрицев и гансов» прямо в их логове. Домой вернулись, но далеко не все. Вечная им память. Долго меня мучили страшные военные сны. То Мидхад за головой являлся, хотел её на ключ гаечных сменять, то Гамил тихо подходил и, молча, лишь взглядом спрашивал: «Зачем ты с ним так? Пусть бы Аллах его судил».

Потом всё потихоньку стало забываться. В соседском дворе парень женился, вскоре ты родился и стал почти родным мне внуком. Твой же дед не вернулся домой... Я убил твоего деда Мидхада! Я убил!!!

Дед Даян поднялся со скамьи, распрямил высохшие старческие плечи, приподнял подбородок. Выцветшие за долгие годы, выдавшие многое глаза устремились в небесную даль... По морщинистым впалым щекам катились огромные слёзы.

- Это я оставил тебя без деда... Я убил твоего деда! За этот грех непрощённый и не берёт мою душу Всевышний...

Мурад прошёлся вдоль двора, у которого стояла эта гостеприимная скамья. Раз, два, три... Туда и обратно. Уверенно подошёл к старику и по-доброму обнял.

- Дедушка мой родной! Нет греха на Вас. Я бы не стал так долго ждать, а удушил его, как только тот ключ с отметиной увидел! Не казните свою душу. Аллах справедлив. Он обязательно простит Вас, дедушка Даян. Я Вас уже простил...

Ветеран в сопровождении внука двинулся к своему дому. Снял жилан и камзол да рухнул в выходных ыштанах на топчан. Невесёлый выдался праздник. Да и устал... Душа утомилась.

Вскоре, в первый день Рамадана схоронили старого Даяна. Простил его Всевышний и принял душу на небеса...

Соловьи спели последние трели. Птицы свили гнёзда, уже высиживают птенцов. Скоро заколосятся на полях посевы. Молодые телята и ягнята резвятся на зелёной лужайке возле ручья, радуясь ласковому солнышку...

«О, Великодушный, к Которому никто не в состоянии проявить великодушие, прояви же Свое

великодушие, освободив меня от огня среди тех, к кому Ты проявляешь великодушие. Введи меня в рай, во имя Твоей милости, о, Самый Милостивый из всех Милосердных».

Добавить комментарий

Комментарии